

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ НАУЧНЫХ, ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.**© 2014 В.Н. Шкунов<sup>1</sup>, Л.Р. Радченко<sup>2</sup><sup>1</sup> Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара<sup>2</sup> Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 22.09.2014

Статья посвящена вопросам развития российско-индийских научных, просветительских и образовательных связей в конце XIX - начале XX в. Особое внимание уделено конкретным примерам двустороннего сотрудничества в указанных сферах. Статья основана преимущественно на архивных материалах.

*Ключевые слова:* Индия, Россия, наука, образование, просвещение, культура.

В конце XIX - начале XX века расширились торгово-экономические и культурные связи России с Индией. Этому способствовали углубление двусторонней торговли, активизация отечественного торгового капитала на Индийском субконтиненте, повышение научного интереса российских исследователей к уникальному историческому и культурному наследию народов Индии, а также определенные надежды, которые питали видные деятели индийского национально-освободительного движения, рассматривая Россию как страну, способную помочь индийскому народу в его борьбе за независимость.

В 1897 г. вышли приказы по войскам Туркестанского военного округа (от 20 октября) и Закаспийской области (№577 от 16 декабря) об учреждении в Ташкенте и Ашхабаде специальных офицерских курсов хиндустани (урду). Эти курсы были рассчитаны на 2 года и преследовали цель дать теоретические и практические знания российским офицерам по языку урду. К образовательному процессу привлекались как отечественные преподаватели (в основном офицеры, владевшие восточными языками), так и носители языка. Отобранные для обучения войсковые офицеры прикомандировывались к окружным штабам, сохраняя содержание. В практической деятельности организаторы курсов руководствовались утвержденным «Положением о курсе для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку индустани (урду) (аналогичный документ действовал в Закаспийской области).

Лучшим выпускникам курсов в качестве награды выплачивался полугодовой оклад жало-

ванья, а также предоставлялась возможность командирования в Индию «для дальнейшего практического усовершенствования в языке «индустани» ежегодно одного из показавших лучшие успехи офицеров»<sup>1</sup>. Все выпускники курсов были обязаны после окончания учебы возвратиться к месту своей службы и отслужить в округе не менее 2 лет.

Руководителем языковых курсов в Ташкенте был назначен прикомандированный к Главному штабу поручик 76-го пехотного Кубанского полка Александр Иванович Выгорницкий, выпускник Симбирского кадетского корпуса, обучавшийся в 1892-1895 гг. на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи. А.И. Выгорницкий с февраля 1896 г. по август 1897 г. находился на стажировке в Индии, где совершенствовал практическое владение языком урду. После первого выпуска в Ташкенте был назначен в 1901 г. внештатным переводчиком при Генеральном консульстве Российской империи в Бомбее.

Поиски носителей языка урду на территории Средней Азии оказались непростыми. Несмотря на то, что в Бухаре и других торговых центрах региона было немало пешаварцев, владевших языком, подобрать среди них стоящего человека долго не представлялось возможным. Дело в том, что все пешаварцы находились в Средней Азии по торговым делам и отвлекаться от своего занятия не желали, поскольку боялись потерять прибыль. Уговорить удалось лишь индеец Фарбадаса (сына некоего Чильдаса), который согласился за 100 рублей в месяц отправиться в Ашхабад для работы на офицерских курсах<sup>2</sup>. Вместе с тем сумма, запрошенная индеем, оказалась слишком большой, и представители российских властей предприняли попытку «сторговаться» с кандидатом.

*Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. E-mail: orientru@mail.ru*

*Радченко Лариса Рафаэлевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан Российско-германского факультета. E-mail: rudi@ulsu.ru*

На 1898-1899 учебный год для обеспечения образовательного процесса предполагалось закупить индийскую газету на языке урду в количестве 2-х экземпляров, 6 штук словаря урду-русского или урду-английского<sup>3</sup>. В апреле 1899 г. слушатели языковых курсов сдали проверочные испытания (чтение, письмо, перевод, аудирование, владение разговорным языком). На экзамен был приглашен индеец. Как отмечал в своем рапорте временно командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Н.А. Иванов, «офицеры не только совершенно свободно передавали вопросы и ответы, имеющие связь с военным делом, но и без всякого затруднения вели разговоры, касающиеся общественного быта, религии и даже фабричной и заводской промышленности»<sup>4</sup>.

Таким образом, число офицеров, служивших в Средней Азии и владевших языком урду, выросло к началу XX века. Это было крайне важно, поскольку изучать язык «с нуля» непосредственно в Британской Индии в то время было практически невозможно, поскольку английские колониальные и военные власти чинили всевозможные препятствия для достижения этой цели. Тот же Выгорницкий изучал урду в Индии нелегально, не уведомляя местные британские власти об истинной цели своего путешествия. Аналогичным образом российское командование решило поступить и в отношении одного из лучших выпускников языковых курсов подполковника Генерального штаба Ивана Константиновича Серебренникова.

Подполковник прибыл в Индию в качестве туриста без официального уведомления местных колониальных властей. Это позволило сохранить ему свое инкогнито и побывать во многих местах, куда иностранцев в принципе не допускали: как опытный военный он осмотрел многие военные объекты и смог побывать даже внутри военных крепостей. По сути, И.К. Серебренников совмещал образовательные цели с чисто военно-разведывательными. Ему удалось сфотографировать отдельные военные объекты, а также скорректировать данные военных карт. Во время полугодового пребывания в Индии подполковник усовершенствовал свое знание урду, что позволило ему свободно общаться с местными жителями.

Итоги шестимесячного путешествия подполковника И.К. Серебренникова по Индии были тщательно проанализированы в штабе Туркестанского военного округа и в Генеральном штабе. Военный министр генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин счел необходимым направлять

в Индию по три-четыре офицера, владеющих урду, ежегодно.

К 1905 году в Туркестанском крае уже насчитывалось до 40 офицеров, владевших языком «индустани». В этом году состоялся уже 4-й выпуск на языковых курсах. Уровень владения языком был достаточно высоким. Однако оставалась нерешенная проблема: привлечение к образовательному процессу носителей языка. Безусловно, командировки российских офицеров в Индию обогащали знания россиян об этой стране. Тот же И.К. Серебренников после возвращения на родину выступил на заседании Индо-афганской комиссии при Обществе востоковедения 5 мая 1905 г. В своем кратком выступлении он поделился впечатлениями от увиденного в Индии. Его речь на заседании – это монолог аналитика, опытного офицера-разведчика, профессионала. Примечательно его замечание об отношении индийцев к русским: «Симпатии к русским несомненны. Один интеллигентный индус, служащий по управлению, сказал мне: «Ваш император помог нам, когда был голод в Индии, а Индия, когда у вас был голод, не могла помочь». У одного из фотографов я увидел на стене портрет нашего Государя. Оказывается, по словам фотографа, что портрет Государя императора встречается у многих индусов. У туземцев несомненна вера в то, что русские придут в Индию. Мне пришлось неоднократно слышать, что сражаться против русских не будут»<sup>5</sup>. Эти слова И.К. Серебренникова свидетельствовали, с одной стороны, о симпатии индийцев к России, о проявлении интереса к северному соседу, а с другой стороны, о наличии сложного клубка противоречий вокруг Индии и внутри нее. В рассказе офицера звучало и сожаление по поводу современного положения Индии: «Я считаю Индию глубоко несчастной страной. Обладающая во многих частях богатейшей почвой и другими неисчислимыми природными богатствами, густонаселенная, имеющая свое славное историческое прошлое, обладательница нескольких древнейших культур, колыбель просвещения, человеческого ума, страна эта имеет полное право на лучшее существование, и заветная мечта лучших ее сынов – о том времени, когда родина их освободится от своих поработителей. Они ждут помощи извне, и, по крайней мере, до последнего времени, взоры их обращались в нашу сторону»<sup>6</sup>.

В августе 1903 г. Генеральный консул в Бомбее В.О. фон Клемм сообщил в администрацию Туркестанского генерал-губернатора о возможности заключения контракта с жителем города

Порт-Бандар в Катиаваре индийцем Хаджи Риалуд-дин Ахмедом, который владел свободно английским, персидским, арабским и несколькими индийскими языками. Однако вместо него в Индию отправился младший брат рекомендуемого Халил-Удин Ахмед. Указанный индеец рекомендовал себя с самой лучшей стороны, преподавая на курсах восточных языков для офицеров в Ташкенте. За это время российские власти удостоили его наград: он получил «Почетный халат» и малую серебряную медаль на нагрудной ленте «Станислава»<sup>7</sup>. В 1906 г. офицерские курсы восточных языков в Ташкенте были реорганизованы, и контракт с Халил-Удин Ахмедом не был продлен (по некоторым данным, российские власти заподозрили его в шпионаже).

Интерес в России к Индии, культуре и истории ее народов в начале XX века значительно вырос. Его проявляли как российские предприниматели, осваивавшие индийский рынок, ученые и путешественники, так и представители высшей отечественной аристократии. К примеру, кузен императора Николая II и племянник императора Александра III великий князь Борис Владимирович совершил месячное путешествие по Индии (как частное лицо) весной 1902 г. Напомним, что ранее, в 1890-1891 гг., Индию посетил наследник российского престола, цесаревич, будущий император Николай II. Встречи с местными правителями, посещение исторических и культурных центров Индии – все это, безусловно, способствовало расширению знаний об этой стране.

Неменьший интерес к России проявляли и индийские князья. Получить достоверную информацию о северном соседе было крайне сложно, поскольку английская пресса формировала негативный образ россиян. Генеральный консул в Бомбее В.О. фон Клемм в своем донесении в российский МИД, в частности, сообщал: «... туземные князья интересуются Россией и всем русским более, нежели какой-либо другой страной»<sup>8</sup>.

На дипломатическом уровне через посредничество Генерального консульства Российской империи в Бомбее в начале XX века производился обмен семенами растений с целью их акклиматизации и разведения как в России, так и в Индии. Так, по просьбе Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи Генеральный консул в Бомбее В.О. фон Клемм хлопотал об отправке для Сухумской опытной станции семян хинного дерева с Дарджилингской плантации. Поручение оказалось непростым, поскольку экспорт семян хинного дерева был стро-

го запрещен в Индии. В свою очередь, директор Департамента земельного учета и сельского хозяйства Г.С. Лоренс также при посредничестве Генерального консула России в Бомбее смог получить семена русского льна<sup>9</sup>.

К национальной системе образования Российской империи в рассматриваемый период проявляли интерес видные деятели Индийского национального конгресса. Особенно их интересовала возможность обучения молодых индийцев в российских военных учебных заведениях, поскольку английские колониальные власти такие желания не приветствовали. В конце декабря 1904 г. выдающийся деятель индийского национально-освободительного движения Бал Гангадхар Тилак в беседе с В.О. фон Клеммом просил узнать в Санкт-Петербурге о мнении российских властей по интересующему его вопросу. Сам Генеральный консул имел по этому поводу следующую точку зрения: «Если бы несколько сыновей индийских князей получили воспитание в России и явились потом нашими поборниками в Индии, то этим распространению доброй славы нашей в этой стране был бы дан значительный толчок. Вслед за этим мог бы возникнуть прилив индийской молодежи в наши гражданские школы, какой замечается теперь в Японии, начала бы развиваться взаимная торговля и т.д.»<sup>10</sup>. Просьба Тилака рассматривалась в Санкт-Петербурге на уровне двух министров: Военного министра В.В. Сахарова и Министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. Формальных оснований для отказа в поступлении молодых индийцев в российские военные учебные заведения не было. Однако русско-японская война и начавшаяся революция в России оказались препятствиями для реализации проекта Индийского национального конгресса. Российские власти лишь помогли поступить на швейцарские высшие военные курсы индийцу Мадхаврао Джадхао<sup>11</sup>.

В рассматриваемый период продолжились научные экспедиции российских ученых и специалистов по Индии. Был здесь и чисто практический интерес. К примеру, в Индию на 4 месяца в 1906 году был направлен в командировку руководитель строительства оросительного канала в Голодной степи Самаркандской области Туркестанского края С.Ф. Островский. Его целью было изучение оросительных каналов на реке Ганг. Российскому инженеру удалось побывать в самых разных уголках Индии. В письме к Генеральному консулу в Бомбее А.А. Половцеву С.Ф. Островский отмечал: «Да, Индия – это страна чудес в ирригационном отношении, и прежде чем на-

чинать работы в Голодной степи, нужно было осмотреть индийские каналы, которые по своей грандиозности считаются первыми в мире...»<sup>12</sup>. Вследствие болезни российскому инженеру не удалось в полном объеме выполнить свою задачу в Индии. По возвращении в Россию С.Ф. Островский опубликовал свой отчет в виде книги «Ирригационные системы Индии»<sup>13</sup>.

Огромный вклад в развитие отечественной индологии внес один из выдающихся отечественных специалистов по классической индийской философии и буддизму профессор Федор Ипполитович Щербатский. Экспедицию ученого в Индию финансировали факультет восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. В январе 1910 г. профессор достиг Индии и обосновался в Бомбее, где приступил к научным поискам. В его планы входило посещение Дарджилинга, Сиккима, Кашмира, Непала, Тибета и Цейлона. Профессор стремился максимально использовать возможности для научных изысканий: он заказывал списки в ведущих библиотеках Индии, находил совершенно уникальные рукописи, заводил знакомства с местными джайнами для глубокого изучения джайнистской литературы, добился аудиенции у Далай-ламы и т.д.

Выполнить в полном объеме всю намеченную программу Ф.И. Щербатскому не удалось. Прежде всего это касалось многочисленных запланированных поездок в разные уголки Южной Азии. Много времени ученый потратил на переводы на английский язык важнейших трудов по философии ньяя. Общение с известными пандитами, философские диспуты на санскрите – все это, безусловно, способствовало расширению и углублению научных знаний отечественного исследователя. Также от Далай-ламы и его приближенных Ф.И. Щербатский получил ценные сведения о тибетских библиотеках, в которых хранились уникальные санскритские рукописи. Итогом научной экспедиции профессора стали многочисленные публикации в России. Так, в 1918 г. в серии «*Bibliotheca Buddhica*» был опубликован «Буддийский учебник логики» Дармакирти в переводе и с комментариями Ф.И. Щербатского<sup>14</sup>.

Наконец, весомый вклад в развитие российско-индийских культурных, научных и просветительских связей внесли Л.Н. Толстой и М.К. Ганди. Учитывая, что эта тема достаточно хорошо разработана в отечественной и зарубежной литературе, мы воздержимся от ее анализа и лишь приведем слова Махатмы Ганди: «Три современника оказали сильное влияние на мою

жизнь: Райчандбхай – непосредственным общением со мной, Толстой – своей книгой «Царство Божие внутри нас» и Раскин – книгой «Последнему, что и первому...»<sup>15</sup>.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. российско-индийские культурные, научные и просветительские связи получили новый импульс в развитии. Развитие транспорта, средств коммуникаций, появление новых приборов и инструментов – все это способствовало проведению научных экспедиций отечественных ученых в Индии. Заметную роль в упрочение двусторонних российско-индийских связей внесли русские дипломаты (за редким исключением), оказывавшие всестороннюю помощь и поддержку ученым. Интерес к России проявляли как деятели индийского национально-освободительного движения, так и местные раджи и магараджи, некоторые английские чиновники и ученые, Далай-лама, находившийся в фактическом изгнании, видные индийские философы и просветители. Этот взаимный двусторонний неподдельный интерес, упрочившийся на рубеже XIX-XX вв., стал надежным фундаментом для упрочения российско-индийской дружбы до наших дней.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Приказ по войскам Туркестанского военного округа об учреждении в Ташкенте офицерских курсов хиндустани (урду) с Положением о курсах // РГВИА, библиотека, инв. № 20506.

<sup>2</sup> Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.400. Оп.1. Д.2530. Л.4 и об. Копия.

<sup>3</sup> Там же. Л.3-3 об.

<sup>4</sup> Там же. Л.19.

<sup>5</sup> Из протокола Индо-афганской комиссии при Обществе востоковедения. Заседание 3-е // Народы Азии и Африки. 1989. №3. С.67.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.214 Генеральное консульство в Бомбее. Оп.779. Д.14. Л.140.

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф.147 Среднеазиатский стол. Оп.485. Д.920. Л.83.

<sup>9</sup> Там же. Ф.214 Генеральное консульство в Бомбее. Оп.779. Д.40. Л.1-23.

<sup>10</sup> Там же, Ф.184 Посольство в Лондоне. Оп.520. Д.899. Л.168.

<sup>11</sup> Там же. Ф.147 Среднеазиатский стол. Оп.485. Д.937. Л.10.

<sup>12</sup> Там же. Ф.214 Генеральное консульство в Бомбее. Оп.779. Д.10. Л.95.

<sup>13</sup> *Островский С.Ф.* Ирригационные системы Индии. Отчет о поездке в Индию инженера путей сообщений С.Ф. Островского в 1906 году. СПб.: Товарищество Р.Голике и А.Вильборг, 1907. 137 с.

<sup>14</sup> *Nyayabindu.* Буддийский учебник логики. Сочинение Дармакирти и толкование на него. Nyayabindutika: Со-

чинение Дармотгары / Санскритский текст издал с введением и примечаниями Ф.И. Щербатский. Петрог-

рад: Российская Академия наук, 1918. 101 с.  
<sup>15</sup> Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С.104.

**THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-INDIAN SCIENTIFIC  
AND EDUCATIONAL RELATIONS AT THE TURN OF THE 19<sup>th</sup> AND 20<sup>th</sup> CENTURIES**

© 2014 V.N. Shkunov<sup>1</sup>, L.R. Radchenko<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

<sup>2</sup> Ulyanovsk State University

The article is devoted to the development of Russian-Indian scientific and educational ties in the late 19th and early 20th centuries. Special attention is given to specific examples of bilateral cooperation in the fields of science and education. The article is based mostly on the archival materials.

*Keywords:* India, Russia, science, education, culture.

---

*Vladimir Shkunov, Doctor of History, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Chief Research Fellow.*

*E-mail: orientru@mail.ru*

*Larisa Radchenko, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Dean of Russian-Germany Faculty.*

*E-mail: rudi@ulsu.ru*